

Доклад д.и.н., профессора кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России Е.О. Обичкиной на экспертном семинаре ПИР-Центра и Французского клуба МГИМО «Роль ядерного оружия в современной стратегической культуре Франции и интересы России», 17 ноября 2022 г., МГИМО

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОНИМАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО РОЛЬ В XXI ВЕКЕ

Стратегическая культура или стратегическая идентичность – рамки, в которых страна мыслит свою безопасность. Два фактора являются определяющими в этом конструкте: история и география, а более изменчивой, хотя и в среднесрочной и долгосрочной перспективе – геополитика, идеологически оправдывающая выбор приоритетов, средств обеспечения безопасности, в т.ч. союзников, способы отражения вызовов и угроз.

1. Географически и исторически, с 1870 г. до начала 1950-х главным противником Франции была Германия, а союзниками – Британия и Россия. Опыт 1й мировой войны привёл французский правящий класс к убеждению, что без помощи великих держав-союзниц Франция не сможет выдержать нападение соседней Германии, и это убеждение диктовало ей и Мюнхенскую политику, и политику союзов, и после второй мировой – стремление мультиплицировать свой потенциал прочным обязывающим союзом с США. Не только дипломатическим, а, как оказалось, экзистенциальным выводом стало создание НАТО и приручение «наследственного» врага – Германии (вначале в рамках ЕОУС/НАТО, затем в ЕС, благодаря ОЕПБО, которая мыслилась к тому же как основа сохранения суверенности решений европейцев в области безопасности, поскольку их интересы не всегда были тождественны интересам США). Обладание собственным ядерным оружием в этом плане стало важной опорой французской военной автономности, которую Франция, как единственная континентальная ядерная держава Сообществ, а после брексита – единственная ядерная держава ЕС надеялась предложить всему Евросоюзу. Откуда значение испытаний 1995 г. Между тем, по окончании холодной войны изменение характера главных вызовов и угроз безопасности породило сомнения в ценности ЯО и сместило акцент в сторону проблематики нераспространения. Выводом был отказ от наземной составляющей ядерной триады.

2. С начала 2000-х, после расширения НАТО/ЕС на восток, в связи с возвращением в военную организацию НАТО, но в ещё большей степени с 2014 г., в связи с украинским кризисом географические рамки французской стратегической идентичности изменились: 1) ускорилось их превращение из национальных в европейские, притом, в атлантические. Они определяются в иных, расширенных координатах, в разрыве с инклюзивной (миттерановской и шираковской) логикой двух десятилетий после конца холодной войны. На них влияют интересы безопасности, сформулированные новыми членами ЕС и НАТО, заинтересованными в том, чтобы обозначить и закрепить границу – между новой Западной Европой и Россией.

Не стоит приписывать эти изменения исключительно внешним причинам. Приверженность атлантизму, так же как европейской интеграции составляет внутреннее убеждение того слоя, который формулирует французскую стратегию и её реализует:

нынешнего поколения чиновников, дипломатов, военных. Последнее десятилетие, увенчавшее 70-летнее существование Франции в Альянсе, – время, равное существованию СССР, – сформировало *Homo Atlanticus* французской политики и аналитики. Притом что армия дольше других была склонна к сохранению голлистской традиции, возвращение в военную организацию НАТО, повлекшее за собой активное участие французских военных в проектах, обменах и образовательных программах, содействовало победе атлантистов над голлистами. Тесный союз с США в этом кругу является мультипликатором национальных и европейских возможностей в сфере безопасности, и президент Макрон не устает повторять: «США нам необходимы»; «США – первый союзник Франции»¹.

Победа атлантического мышления была парадоксальным образом ускорена благодаря наращиванию европейского интеграционного вектора французской внешней политики трех последних десятилетий, изначально направленной на превращение Европейского союза в самостоятельный центр силы, в «Европу-державу». Голлистская мечта о политической, «европейской» Европе под французской эгидой, соответствовавшая биполярной системе, не пережила трансформаций постбиполярного периода. Главную роль в этом, как в свое время предсказывал Ж. Ширак, сыграл закон количества – стремительное и масштабное расширение ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), которые искали в евроинтеграции экономическую опору, но полагались в области безопасности исключительно на НАТО, из-за весомости американских гарантий и исходя из печального опыта 1930–1940-х годов. Параллельно и под влиянием этой тенденции совершалась трансформация геополитической картины, формирование комплексного подхода к отражению новых вызовов и угроз.

3. Что касается противника, с 1945 г. он оставил Францию дважды: сначала Германия, затем – угроза с Востока: ОВД /СССР/Россия (как оказалось, временно), что сформировало инклюзивную стратегию Франции. Макрон считал Россию необходимой опорой европейской безопасности и стремился к прорыву в испортившихся после 2014 г. отношениях между Москвой и ЕС, особенно в 2019, когда Франция была председателем Совета Европы, затем - Большой семёрки, вплоть до 24.02.2022. В то же время, возвращение Франции в военную организацию НАТО в 2010 г. обозначило начало важного изменения географических рамок французской стратегии безопасности, придвинув её границу к России, что сказалось уже в 2014 г. Логическим продолжением стремления Макрона придать европейский масштаб границам геополитических интересов Франции является обострение стратегических отношений с Россией, которая из неизбежного партнера превратилась в угрозу, объективно таковой не являясь. В этом состоит сегодня парадокс «русского вопроса» для французской геополитики. Россия расположена на противоположной оконечности континента и во французской стратегической культуре рассматривалась как необходимая опора европейскому равновесию, союз или сотрудничество с которой представлялись залогом безопасности страны и Европы в целом. Но, перенеся границы своей безопасности на атлантический и европейский уровень и не желая маргинализироваться внутри НАТО, Франция добровольно участвует в миссии НАТО по усилению военного присутствия в странах Балтии и Польше (FRA-EFP LYNX), в патрулировании воздушного пространства Эстонии; 300 военнослужащих, танки и БМП Франции расквартированы в Литве, недалеко от российской границы.

¹ Macron E. Discours à la semaine des ambassadeurs de France // [Voltaire.net.fr](http://Voltaire.net/fr). – 2017 а. – 29.08. – Mode of access: www.voltaire.net/fr/article197666.html [Date of access – 12.02.2021].

4. В этой логике выстроен и ставший необходимым после 24.02.22 пересмотр программы военного планирования, и представление соответствующего закона планируется на начало 2023. Оно продиктовано осознанием коренного переворота в системе европейской безопасности, который определил переход от мира к войне в Европе.

«Я думаю, что мы переживаем начало новой эры», - заявил Э. Макрон в своём программном интервью в разгар избирательной кампании 2022 г.². Ключевым с этим изменением стало для него, как и для многих, 24 февраля 2022 года. Эта дата воспринимается как водораздел между состоянием мира и состоянием войны в Европе. Президент Франции (в речи перед послами, 1 сент.) охарактеризовал начало СВО как сознательный выбор России в пользу войны для реализации своих территориальных интересов, из чего следуют важные выводы, определяющие внешнеполитический курс предстоящего правления.

- 1) Россия – ядерная держава и постоянный член СБ ООН. То, что в связи с операцией Москвой был затронут вопрос о применении тактического ядерного оружия **«является изменением в правилах (la grammaire) ядерного сдерживания»³, Макрон назвал это «настоящим разрывом».** Эти слова стали реакцией на сообщение, что президент России отдал приказ о приведении ЯС РФ в состояние повышенной боеготовности.
- 2) Коренным образом (Макрон употребил слово «бесповоротно») пересмотрено отношение к России. Традиционно для геополитики Франции было характерно восприятие России как необходимой восточной опоры европейской безопасности, неизбежного партнёра, откуда его заявления о том, что необходимо переформулировать отношения с Россией, изобрести новую архитектуру взаимодействия между ней и ЕС, усилия по возвращению России голоса в Совете Европы (2019), возобновление приостановленной в 2014 г. деятельности двустороннего формата 2+2 (Франко-российского совета по вопросам безопасности) т.д.

5. Затянувшаяся СВО, которая воспринимается Макроном как «война, которая надолго» и которая опрокинула европейскую систему безопасности, потребовала стратегии, соответствующей военному времени. Состояние длительной войны, которую предрекает Макрон, требует пересмотра оборонной политики Франции. Её предполагается переформулировать на трёх уровнях:

- Национальном: повышение боеспособности армии, расходов на оборону и производство вооружений, пересмотр стратегии обороны и подготовка к началу 2023 г. нового Закона о военном планировании;

- второй этаж – европейский, с переходом на новый уровень усиленного сотрудничества, предусматривающий не только увеличение расходов на вооружения, но и преодоление «логики зависимости», чтобы получить свободу действий, не зависеть от чужих норм, когда увеличение расходов на вооружение ведёт к росту закупок неевропейской военной

² Emmanuel MACRON, « La grande confession » . Propos recueillis par Etienne Gernelle // Le Point du 14 avril 2022.

³ Там же.

техники (намёк на США, Канаду и Великобританию). Правда, в этом надо ещё убедить других европейских партнёров, что неочевидно. В этой же связи интересно будет следить развитием позиции Франции в отношении проекта Шольца. Речь о выдвинутом Шольцем в его речи в Праге в августе 2022, плане создания общеевропейской системы ПВО, «европейского воздушного щита» («European Sky Shield»). к нему присоединились 14 европейских стран НАТО, включая Великобританию и Финляндия, но не Франция. Проект получил одобрение министров обороны на саммите НАТО в Брюсселе 13 окт. 2022. В настоящем виде проект нарушает традицию франко-германского лидерства в ЕС. Недовольство Парижа может объясняться опасением за судьбу продвигаемого им усиления европейской обороны, поскольку инициатива Шольца может отодвинуть реализацию знаковых двусторонних проектов: создания франко-германского военного самолёта Scaf и «танка будущего»⁴.

- третий этаж – НАТО. Президент заявил, что в свете последних событий очевидно, что европейская оборона не является конкурентом или заменителем НАТО, но одной из её опор. Макрон считает, что европейцы не должны превратиться в простых вассалов «partenaires vassalisés», зависимых от мощной державы с риском каждый раз ставить безопасность ЕС в зависимость от настроений американских избирателей (намёк на кризис отношений при Трампе). «Прекрасно иметь сильного союзника. Ещё лучше иметь возможность мобилизовать его на свою сторону, но не зависеть от него». Эту формулу Макрон хотел бы положить в основу НАТО. При этом в его последних программных выступлениях отражена качественно более высокая заинтересованность в атлантической солидарности, самоотождествление с коллективным Западом⁵.

6. Таким образом, украинский кризис, с одной стороны, способствовал продвижению на главном треке французского европейского проекта: он перевёл из декларативной в реальную плоскость солидарность ЕС в вопросах безопасности и внешней политики (в отношении России), но с другой стороны, усилил зависимость европейской безопасности (в широком смысле слова) от США.

7. В условиях кризиса Франция оказалась вовлечённой в конфликт, в разрастании которого она не заинтересована и в отношении которого в обществе существует раскол, поскольку военный кризис обнажил важнейшую и болезненную проблему, разделяющую «прогрессистов» (платформа Макрона) и консерваторов – суверенистов: сохранение ранга Франции, её независимости и суверенности в области ВП и безопасности, т.е. голлистских основ ВП 5 Республики. Стараясь синтезировать обе линии, Э. Макрон заявил, что не намерен отказываться от европейской идентичности политики обороны и безопасности ЕС. "Иметь более сильную Европу – это добиваться того, чтобы она могла в случае необходимости выбирать безопасность на своей земле и в своём соседстве"⁶.

В данном случае президент Франции следует исторической национальной риторике, которая расходится с очевидностью: хотя война в центре Европы больше, чем любые

⁴ <https://www.courrierinternational.com/article/diplomatie-un-vroum-vroum-inhabituel-grippe-le-moteur-franco-allemand> (опубл. 20.10.22)

⁵ <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/09/01/discours-du-president-emmanuel-macron-a-loccasion-de-la-conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs> (опубл. Le 1er septembre 2022).

⁶ <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/09/01/discours-du-president-emmanuel-macron-a-loccasion-de-la-conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs> (опубл. Le 1er septembre 2022).

прежние усилия Франции, сделала реальной общую европейскую внешнюю политику и оборону, она же довершила процесс, начатый двойным большим расширением НАТО/ЕС и сопряжённый с ним процесс отторжения России, кульминацией которого и возможной точкой невозврата является раскол между Россией и ЕС в связи с войной в Украине Это - победа проекта американской, атлантической Европы.

8. Между тем, у безопасности Франции исторически существует ещё и глобальное измерение, и Франция здесь продолжает сохранять амбиции не только как ПЧ СБ ООН. Её роль опорного союзника-патрона в обеспечении стабильности и безопасности в бывшей Французской Африке (прежде всего, в Сахеле) сегодня поставлена под вопрос самими африканцами, и эта проблема сегодня требует серьёзной корректировки африканской политики Э. Макрона. Однако новым приоритетом его политики безопасности является «маритимизация» - усиление её морского измерения, призванного обеспечить безопасность коммуникаций (морских путей и кабельных сетей) в ИТР. Поэтому, несмотря на конкуренцию с АУКУС, следует ожидать новых стратегических инициатив в этом регионе, поскольку Макрон однозначно заявил, что в грядущем столкновении США с сильнейшей «ревизионистской» державой – Китаем место Франции – на стороне защитников модели глобализации, главными гарантами которой являются США, но которую Макрон считает органически «своей».

Поскольку Китай является ядерной державой, хотя сегодня и отвергающей возможность применения ядерного оружия, не исключено, что в недалёком будущем выводы, которые Франция намерена сделать из вышеозначенного «переворота» в ядерном сдерживании распространятся на географическую сферу ИТР, в которой у Франции сохраняется, хотя и не действует полигон Мороруа⁷. В то же время, думается, её внимание будет сосредоточено на иных направлениях :

- 1) Следует согласиться с выводом доклада об ужесточении позиции Франции в отношении Ирана, в направлении нераспространения ЯО, поскольку у Э. Макрона вызывает особое беспокойство усиление группы «ревизионистских» держав, к которой помимо государств-изгоев (Ирана и С.Кореи) он присоединяет две державы: Китай и Россию.
- 2) Кроме того, та же риторика может способствовать изменению основных адресатов ядерного сдерживания, к которым может добавиться Китай.
- 3) Можно предположить, что в центр пересмотра французской стратегии попадёт проблема создания общей европейской ПРО и её сочетания с реализуемым американским проектом Евро ПРО.

⁷ Программа испытаний французского ядерного оружия в Тихом океане была закрыта 27 янв.1996, после чего Франция (в марте 1996) присоединилась к договору Раротонга об объявлении Ю.части Тихого океана безъядерной зоной.